

А онъ атевчантъ:

— Ни ватѣмъ, штобъ миритца, а битца.

— Ну, прадуѣй жа ты токѣ, на чемъ намъ битца.

— Ну, дуѣй ты, сабачье мясо, уперѣтъ!

То онъ (эмѣй) дунуль—чугуннай сѣмалася токѣ, а онъ дувнуль—мѣднѣй.

Тотъ гаварить:

— Ну, бей мене!

А онъ атанчантъ:

— Бей ты, сабачье мясо, мене уперѣтъ!

То вонъ када вдарилъ малатца става, то вонъ только пошатаулеп.

— Ну, держисъ ты темеръ, сабачье мясо, какъ я вдарю.

Ну, онъ какъ вдарилъ, такъ ино сразу и расшипѣ,—убить аѣйя. То вонъ етатъ домъ няялѣ, паналцѣ и шолѣнъ перонѣитъ увесъ и пашалѣ дамой. Приходить къ матери, а братья ушѣ тамъ.

Ѣдутъ карапщики, онъ и гаварить:

— Мамашинька, вававѣмъ карапщикамъ пашить пагулять на пятеро сутокъ.

Папили—погуляли, сѣли паѣхали къ государю съ таварами.

— Благословите, мамашинька, паѣхати къ папашиньки: не печалитца ли абъ насъ папашинька?

Прѣѣжають карапщики къ государю. Государъ выходитъ съ женой и спрашивантъ.

— Здрастуйти, госпада-карапщики!

— Здрастуйти, ваше великое императорство!

Цѣвали вы по марю, не выдали вы бочки, или бачкавой доски или бачкавова дна?

— Нѣтъ, ваше великое императорство! не выдали ни бочки, ни бачкавой доски, ни бачкавова дна. Только видѣли на такомъ-та острѣи семѣ сынонѣ—ручки-ножки на калѣица въ солатѣ, на лбу вѣиада, на ватилку мѣионѣ. Стантъ сатѣ, иѣ етамъ салу яѣтрѣ-левѣи на двѣнадцати верстѣ не подпушнантъ, пташки головы срывантъ. Стантъ мельница, сама мелить, нули набивантъ, у Москву атправляютъ и денешни сама получають. И стантъ боравѣ, носамъ пашить, пшеницу расѣивантъ, хвостомъ заскараживантъ.

А тетецька —мыкъ, мыкъ! и ченева гаварить:

А государъ и гаварить:

— Што я естѣ на государъ, што я ни аиаю, что тамъ естѣ на такомъ-та острѣи.

Завтрашнѣй день надо поѣхати уонати, што такой ца острѣи тамъ естѣ.

Смыъ ово Иванюшинька прѣѣжактъ къ матери и гаварить: